

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кочемарова Владислава Сергеевича на нарушение его конституционных прав положениями пунктов 1 и 3 статьи 1 и части третьей статьи 13 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»

город Санкт-Петербург

2 июля 2013 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, Н.В.Селезнева, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

заслушав заключение судьи С.Д.Князева, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданина В.С.Кочемарова,

у с т а н о в и л :

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации гражданин В.С.Кочемаров оспаривает конституционность следующих положений Федерального закона от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»:

пункта 1 статьи 1, закрепляющего понятие экстремистской деятельности (экстремизма), в частности включающего в него возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни, а также пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

пункта 3 статьи 1, относящего к экстремистским материалам предназначенные для обнародования документы либо информацию на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, в том числе труды руководителей национал-социалистской рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы;

части третьей статьи 13, согласно которой одновременно с решением о признании информационных материалов экстремистскими судом принимается решение об их конфискации.

Как следует из представленных материалов, Щелковский городской суд Московской области решением от 29 июня 2011 года, вынесенным по заявлению прокурора, признал экстремистскими и конфисковал ряд материалов, которые были обнаружены в здании некоммерческой организации «Некоммерческое партнерство «Центр управления деятельностью по распространению дианетики и саентологии», включая принадлежащую В.С.Кочемарову книгу Л.Рона Хаббарда «Статус руководителя один». Основываясь на заключении комплексной психолого-лингвистической экспертизы, содержащем выводы о направленности данных материалов на формирование изолированной социальной группы, которой является «Церковь саентологии», изменение существующего социума,

находящегося за пределами этой группы, и разрушение социальных групп, отличных от нее, суд посчитал эти материалы направленными на возбуждение религиозной розни и пропаганду превосходства по признаку религиозной и социальной принадлежности.

Судебная коллегия по гражданским делам Московского областного суда определением от 26 января 2012 года приняла к рассмотрению кассационную жалобу В.С.Кочемарова, не привлеченного к участию в деле в качестве заинтересованного лица судом первой инстанции, в связи с тем, что признание указанной книги экстремистским материалом затрагивает его имущественные права, а определением от 20 марта 2012 года – отказала в ее удовлетворении и оставила решение Щелковского городского суда Московской области без изменения.

По мнению заявителя, оспариваемые положения Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» не соответствуют Конституции Российской Федерации, в том числе ее статьям 13, 15 (часть 4), 17 (часть 1), 19 (часть 1), 35 (части 1, 2 и 3), 45 (часть 1), 46 (часть 1), 47 (часть 1), 49, 54 (часть 2), 55 (части 2 и 3), 120 (часть 1), 123 (часть 3), 127 и 128 (часть 3), поскольку вопреки требованию равенства перед законом не содержат четких юридических критериев, позволяющих с точностью определить понятия экстремистской деятельности и экстремистских материалов, и вследствие этого предоставляют широкие возможности для их неоднозначного толкования и произвольного применения, а также предусматривают ответственность в виде конфискации экстремистских материалов, не связывая ее применение с совершением какого-либо правонарушения лицом, являющимся их собственником.

2. Конституция Российской Федерации, устанавливая, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, и признавая идеологическое многообразие в качестве одной из основ конституционного строя, гарантирует каждому свободу совести, свободу вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и

распространять религиозные или иные убеждения и действовать в соответствии с ними; свободу мысли и слова; право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (статья 2; статья 13, часть 1; статья 28; статья 29, части 1 и 4); наряду с иными правами и свободами, включая право на объединение и свободу деятельности общественных объединений (статья 30, часть 1), они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (статья 18).

Вместе с тем Конституция Российской Федерации, учитывая значимость утверждения гражданского мира и согласия, сохранения исторически сложившегося государственного единства, обеспечения благополучия и процветания нынешнего и будущего поколений многонационального народа России (преамбула) и исходя из того, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (статья 17, часть 3), предусматривает, что в Российской Федерации запрещаются создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни (статья 13, часть 5), запрещаются также любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (статья 19, часть 2), пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, а также пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства (статья 29, часть 2).

Названные конституционные положения соотносятся с международно-правовыми стандартами, которые, провозглашая право каждого человека на свободу мысли, совести и религии, право беспрепятственно придерживаться

своих мнений и право на свободное выражение своего мнения, которое включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ, одновременно устанавливают, что всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, должно быть запрещено законом исключительно в целях обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе (статьи 18, 19 и пункт 2 статьи 29 Всеобщей декларации прав человека; статьи 19 и 20 Международного пакта о гражданских и политических правах; статьи 9 и 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод).

Европейский Суд по правам человека в своих решениях также указывает на недопустимость такого использования свободы мысли, совести и религии, выражения мнения и свободы объединений, гарантированных статьями 9, 10 и 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, которое позволяло бы какому-либо государству, какой-либо группе лиц или какому-либо лицу в нарушение статьи 17 Конвенции заниматься какой-либо деятельностью и совершать какие бы то ни было действия, направленные на упразднение прав и свобод, признанных Конвенцией, или на их ограничение в большей мере, чем это предусматривается в Конвенции. Соответственно, под защитой Конвенции не находится деятельность, если она имеет целью упразднение прав и свобод, закрепленных в Конвенции, и тем самым разрушение демократии, связана с призывами к насилию или проведением политики, не уважающей демократию или направленной на разрушение демократии или попрание прав и свобод, признанных в демократии, очевидно стремится навязать каждому свои религиозные символы и понятие общества, основанного на религиозных предписаниях; как следствие, никому не может быть позволено ссылаться на положения Конвенции для умаления или упразднения идеалов и ценностей демократического общества

(постановления от 13 февраля 2003 года по делу «Рефах партиси (Партия благоденствия) (Refah partisi (Welfare party)) и другие против Турции», от 10 ноября 2005 года по делу «Лейла Шахин (Leyla Sahin) против Турции», от 14 марта 2013 года по делу «Касымахунов и Сайбаталов против России» и др.).

Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (заключена 15 июня 2001 года), основываясь на том, что указанные явления представляют угрозу международному миру и безопасности, развитию дружественных связей между государствами, а также осуществлению основных прав и свобод человека, серьезно угрожают территориальной целостности, безопасности и политической, экономической и социальной стабильности и – вне зависимости от их мотивов – не могут быть оправданы ни при каких обстоятельствах, относит к экстремизму любое деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе на организацию в указанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них (преамбула; подпункт 3 пункта 1 статьи 1). При этом данная Конвенция не только не препятствует государствам-участникам предусматривать в своем законодательстве положения о более широкой интерпретации экстремизма, но и обязывает их принимать такие меры, которые могут оказаться необходимыми, в том числе в соответствующих случаях в области национального законодательства, для обеспечения того, чтобы терроризм, сепаратизм и экстремизм ни при каких обстоятельствах не подлежали оправданию по соображениям исключительно политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или иного аналогичного характера и влекли наказание сообразно степени их тяжести (пункт 2 статьи 1; статья 3).

На необходимость законодательного ограничения свободы выражения мнений, собраний и объединений для целей борьбы с экстремизмом обращается внимание и в Резолюции Парламентской Ассамблеи Совета Европы 1344 (2003) «Об угрозе для демократии со стороны экстремистских

партий и движений в Европе», подчеркивающей, что независимо от своей природы экстремизм представляет собой форму политической деятельности, явно или исподволь отрицающую принципы парламентской демократии и основанную на идеологии и практике нетерпимости, отчуждения, ксенофобии, антисемитизма и ультранационализма (пункт 3), а тенденция некоторых экстремистских движений найти обоснование своих действий в религии таит в себе двойную опасность: с одной стороны, это способствует разжиганию нетерпимости, религиозного фанатизма и фундаментализма, а с другой – ведет к изоляции целых религиозных общин из-за отдельных лиц, злоупотребляющих общечеловеческими ценностями религии (пункт 4).

Принятый в развитие приведенных конституционных положений и корреспондирующих им международно-правовых норм, являющихся составной частью правовой системы Российской Федерации, Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» определяет – в целях защиты прав и свобод человека и гражданина, основ конституционного строя, обеспечения целостности и безопасности Российской Федерации – правовые и организационные основы противодействия экстремистской деятельности и устанавливает ответственность за ее осуществление (преамбула).

В соответствии со статьей 1 данного Федерального закона экстремистской деятельностью (экстремизмом) является насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных

прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения; воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения; совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» части первой статьи 63 УК Российской Федерации; пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций; публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения; публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением; организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению; финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг (пункт 1), а экстремистскими материалами признаются предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, в том числе труды руководителей национал-социалистской рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо

оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы (пункт 3).

Отнесение приведенными законоположениями к экстремистской деятельности (экстремизму) и экстремистским материалам всех действий и материалов, связанных с возбуждением социальной, расовой, национальной или религиозной розни и пропагандой исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии, основано, как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, на воспроизводстве и конкретизации положений Конституции Российской Федерации и потому само по себе конституционные права и свободы не нарушает (определения от 18 декабря 2007 года № 940-О-О, от 19 июня 2012 года № 1271-О и от 18 октября 2012 года № 1995-О).

Что касается имеющегося, с точки зрения заявителя, несоответствия оспариваемых законоположений требованию определенности, ясности и недвусмысленности правовых норм, вытекающему из конституционных принципов правового государства, верховенства закона и юридического равенства, то, обязывая законодателя формулировать правовые предписания с достаточной степенью точности, позволяющей гражданину соотносить с ними свое поведение – как запрещенное, так и дозволенное, данное требование, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, вовсе не исключает использование оценочных или общепринятых понятий (категорий), значение которых должно быть доступно для восприятия и понятно субъектам соответствующих правоотношений либо непосредственно из содержания конкретного нормативного положения или из системы находящихся в очевидной взаимосвязи нормативных положений, либо посредством выявления более сложной взаимосвязи правовых предписаний, в том числе с помощью даваемых судами разъяснений по вопросам их

применения (постановления от 11 ноября 2003 года № 16-П, от 14 апреля 2008 года № 7-П, от 5 марта 2013 года № 5-П и др.).

Подобного подхода к оценке качества закона, ограничивающего права и свободы, придерживается и Европейский Суд по правам человека, полагающий, что такой закон во всех случаях должен отвечать требованиям доступности и предвидимости, однако он не может быть полностью свободен от терминов, в большей или меньшей степени нуждающихся в судебном толковании, разъяснении сомнительных моментов и адаптации к изменяющимся обстоятельствам (постановления от 15 ноября 1996 года по делу «Кантони (Cantoni) против Франции», от 22 июня 2000 года по делу «Коэм (Coeme) и другие против Бельгии», от 29 марта 2006 года по делу «Ашур (Achour) против Франции», от 6 марта 2012 года по делу «Хухтамяки (Huhtamaki) против Финляндии» и др.).

Следовательно, применяя оспариваемые заявителем положения пунктов 1 и 3 статьи 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», суды обязаны исходить из того, что обязательным признаком указанной разновидности экстремизма (экстремистских материалов) является явное или завуалированное противоречие соответствующих действий (документов) конституционным запретам возбуждения ненависти и вражды, разжигания розни и пропаганды социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства, наличие которого должно определяться с учетом всех значимых обстоятельств каждого конкретного дела (форма и содержание деятельности или информации, их адресаты и целевая направленность, общественно-политический контекст, наличие реальной угрозы, обусловленной в том числе призывами к противоправным посягательствам на конституционно охраняемые ценности, обоснованием или оправданием их совершения, и т.п.).

В то же время ограничение посредством антиэкстремистского законодательства свободы совести и вероисповедания, свободы слова и права на распространение информации не должно иметь места в отношении какой-

либо деятельности или информации на том лишь основании, что они не укладываются в общепринятые представления, не согласуются с устоявшимися традиционными взглядами и мнениями, вступают в противоречие с морально-нравственными и (или) религиозными предпочтениями. Иное означало бы отступление от конституционного требования необходимости, соразмерности и справедливости ограничений прав и свобод человека и гражданина, которое, по смыслу правовой позиции, высказанной Конституционным Судом Российской Федерации в ряде решений, сохраняющих свою силу, обращено, как это вытекает из статей 18, 19 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, не только к законодателю, но и к правоприменителям, в том числе судам (Постановление от 14 февраля 2013 года № 4-П; определения от 2 апреля 2009 года № 484-О-П, от 5 марта 2013 года № 323-О и др.).

Аналогичных взглядов на пределы ограничения свободы выражения мнений придерживается и прецедентная практика Европейского Суда по правам человека, который, не исключая наличие у государства широких возможностей – особенно в сфере религиозных убеждений – устанавливать такие требования, которые продиктованы важностью защиты демократических ценностей и прежде всего прав других лиц, тем не менее считает, что данная свобода, представляющая собой одну из несущих опор демократического общества, основополагающее условие его прогресса и самореализации каждого его члена, распространяется даже на случаи непопулярных, шокирующих и провокационных высказываний (постановления от 7 декабря 1976 года по делу «Хэндисайд (Handyside) против Соединенного Королевства», от 20 сентября 1994 года по делу «Институт Отто-Премингер (Otto-Preminger-Institut) против Австрии», от 25 ноября 1996 года по делу «Уингроу (Wingrove) против Соединенного Королевства» и др.).

Таким образом, оспариваемые положения пунктов 1 и 3 статьи 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», как основанные на воспроизводстве и конкретизации запретов,

установленных статьями 13 (часть 5), 17 (часть 3), 19 (часть 2) и 29 (часть 2) Конституции Российской Федерации, в системе действующего правового регулирования не могут признаваться не отвечающими производному от конституционных принципов правового государства, верховенства закона и юридического равенства требованию определенности правовых норм и создающими предпосылки для их неоднозначного истолкования и произвольного применения.

3. Согласно Конституции Российской Федерации в Российской Федерации признаются и равным образом защищаются частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности, а охраняемое законом право частной собственности предполагает, что никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда (статья 8; статья 35, части 1 и 3). Это, однако, не означает абсолютного характера данного права и не исключает возможность его ограничения с соблюдением требований, предусмотренных статьей 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Схожие по значению положения содержатся в пункте 2 статьи 29 Всеобщей декларации прав человека, пункте 2 статьи 12 Международного пакта о гражданских и политических правах, статье 4 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, а также в абзаце втором статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которому государство вправе обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами и для обеспечения уплаты налогов или других сборов и штрафов.

В силу статьи 13 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» информационные материалы признаются экстремистскими федеральным судом по месту их обнаружения,

распространения или нахождения организации, осуществившей производство таких материалов, на основании представления прокурора или при производстве по соответствующему делу об административном правонарушении, гражданскому или уголовному делу (часть вторая); одновременно с решением о признании информационных материалов экстремистскими судом принимается решение об их конфискации (часть третья).

Из содержания этих законоположений во взаимосвязи со статьями 2 и 3 данного Федерального закона следует, что конфискация по решению суда информационных материалов, признанных по представлению прокурора экстремистскими, не связана с наступлением ответственности, не является санкцией (наказанием) за совершение правонарушения, применяемой в соответствии с частью первой его статьи 13, а представляет собой, по существу, особую меру государственного противодействия экстремизму, направленную на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе посредством выявления и последующего устранения способствующих ей причин и условий.

Признание тех или иных информационных материалов экстремистскими означает констатацию того факта, что они нарушают запреты, установленные антиэкстремистским законодательством, и уже в силу этого представляют реальную угрозу правам и свободам человека и гражданина, основам конституционного строя, обеспечению целостности и безопасности Российской Федерации. Поэтому – независимо от места обнаружения, условий хранения, способов использования и иных обстоятельств – каждое такое решение суда не может не сопровождаться конфискацией признанных экстремистскими материалов, имеющей целью полностью исключить доступ к ним и тем самым предотвратить опасность негативного воздействия соответствующей информации на любых лиц, включая собственников.

Принятие решения о признании информационных материалов экстремистскими и одновременно об их конфискации в судебном порядке,

безусловно, предполагает возможность участия в соответствующем судебном разбирательстве собственника таких материалов; иначе не обеспечивались бы конституционные гарантии судебной защиты частной собственности, распространяющейся как на сферу гражданско-правовых отношений, так и на отношения государства и личности в публично-правовой сфере (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2008 года № 9-П, от 31 января 2011 года № 1-П, от 25 апреля 2011 года № 6-П и др.).

Таким образом, конфискация информационных материалов, признанных решением суда по представлению прокурора экстремистскими, предусмотренная частью третьей статьи 13 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», не связана с применением ответственности за какое-либо правонарушение, а является принудительной мерой государственного реагирования, направленной на исключение доступа к таким материалам и предотвращение угрозы их негативного воздействия на конституционно охраняемые ценности, обеспечена необходимыми гарантиями судебной защиты имущественных прав собственника соответствующих материалов и как таковая не выходит за конституционно допустимые пределы ограничения прав и свобод человека и гражданина.

4. Согласно части второй статьи 36 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» основанием к рассмотрению дела в Конституционном Суде Российской Федерации является обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем нормативные положения.

Поскольку неопределенность в вопросе о конституционности оспариваемых В.С.Кочемаровым положений пунктов 1 и 3 статьи 1 и части 3 статьи 13 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» отсутствует, его жалоба, как не отвечающая требованиям допустимости обращений в Конституционный Суд Российской Федерации, не может быть принята им к рассмотрению.

Проверка же законности и обоснованности применения оспариваемых законоположений в деле заявителя, как связанная с установлением и исследованием конкретных обстоятельств данного дела, к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации, закрепленной статьей 125 Конституции Российской Федерации и статьей 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», не относится.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 части первой статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кочемарова Владислава Сергеевича, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации

В.Д.Зорькин

№ 1053-О